

Чи Чжоу решил, что Лю Шэнь и правда не привык обедать лицом к лицу с кем-то. Несколько раз тот поднимал голову, чтобы посмотреть, чем замедлял скорость приема пищи.

Казалось, что Лю Шэнь действительно чувствовал себя неловко.

Цель Чи Чжоу оказалась достигнута, но через несколько минут ему самому стало неловко.

Каждый раз, когда Лю Шэнь поднимал голову, Чи Чжоу инстинктивно смотрел в ответ. И когда их взгляды встречались, Лю Шэнь не отворачивался. У Чи Чжоу не оставалось другого выбора, кроме как прямо встречать его взгляд, почти как игра в гляделки, где первый моргнувший проиграет.

Атмосфера была, мягко говоря, странной. Чи Чжоу не мог избавиться от чувства, что его план по раздражению Лю Шэня обернулся против него самого.

В конце концов, Чи Чжоу стал тем, кто моргнул первым.

Лю Шэнь невозмутимо вернулся к своей тарелке и спокойным тоном ответил:

— Вокруг есть еще свободные места.

Слова были просты, но задели за живое. Чи Чжоу попался на крючок и твердо сказал:

— Сегодня я буду сидеть здесь.

И не просто сегодня, а каждый день. Чи Чжоу поставил перед собой задачу сидеть прямо напротив Лю Шэня в столовой.

Со временем Чи Чжоу выработал иммунитет к неловкости, его кожа стала толще. Через некоторое время у него даже появилось свободное время, чтобы понаблюдать за тем, чем каждый день обедает Лю Шэнь, и невзначай покритиковать его выбор.

Одной из вещей, которую заметил Чи Чжоу, было то, что Лю Шэнь, казалось, не любил рыбу. Когда бы она ни лежала на выдате, Лю Шэнь избегал ее. Однажды в столовой случайно дали ему рыбу в красном соусе, он съел ее с видимой неохотой, тщательно выковыривая кости.

И все же у Чи Чжоу не было достаточно доказательств, кроме этого единственного случая.

Наблюдая, как эта причудливая обыденность разворачивается день за днем, Камень чувствовал удивление и восхищение.

— Это гениально, мой дорогой! Понимаешь? Даже целомудренная женщина боится настойчивого мужчины.

Чи Чжоу, однако, нахмурился, услышав слова Камня:

— Что за идиот это сказал?

Не задумываясь, он положил руку на голову Камня, опуская ее вниз.

— Неудивительно, что твои сочинения — такая каша.

— О, а твои нет? Тринадцать баллов, звучит знакомо?

— Это было за сочинение по английскому! — тут же ответил Чи Чжоу, защищаясь.

Оценки по английскому Чи Чжоу были ужасными. Яркий контраст с его идеальными результатами по другим предметам.

Чтобы выйти из такого неравенства, классный руководитель ввел систему учебных товарищей, подбирая пары из учеников с взаимодополняющими сильными сторонами. Неудивительно, что ужаснейшие оценки по английскому привели Чи Чжоу к Лю Шэню.

Учитель, не теряя времени, переделал рассадку в соответствии с новообразовавшимися парами.

На следующий день Чи Чжоу обнаружил себя снова сидящим с Лю Шэнем, но в этот раз уже в качестве соседа по парте.

Камень провел весь обеденный перерыв смеясь над этим. Даже на уроке физкультуры он подтолкнул Чи Чжоу и поддразнил:

— Ты хотел его, и теперь он твой!

Вернувшись в класс, Чи Чжоу уставился на имя «Лю Шэнь», написанное на рабочей тетради на соседней парте.

— Проклятая судьба, — пробормотал он себе под нос.

Когда Лю Шэнь вернулся к своему месту, то заметил пристальный взгляд Чи Чжоу.

— Хочешь нарисовать границу? — с легким удивлением спросил он.

— Ты что в начальной школе? — фыркнул Чи Чжоу, отворачиваясь.

Положив голову на сложенные руки, он оставил Лю Шэня смотреть на его затылок.

Локоть Чи Чжоу по-детски пересек границу, вторгаясь на территорию Лю Шэня.

Чи Чжоу остался в этом положении на некоторое время. К тому моменту, как начался урок английского, он задремал, зарыв лицо в руках.

Пока он спал, складки его одежды оставили легкие красные следы, следы, которые очень четко выделялись на его бледной коже.

Лю Шэнь некоторое время молча смотрел на него, прежде чем слегка постучать по его щеке ручкой.

Чи Чжоу не двигался. Сонливость и монотонность урока английского унесли его в глубокие грезы.

Неосознанно он сдвинулся к затемненной части парты Лю Шэня, ища спасения от яркого солнца. Медленно, но уверенно он прокрадывался дальше в пространство Лю Шэня, свернувшись калачиком, как довольный кот.

Даже во сне Чи Чжоу умудрился забрать территорию.

Когда он в раскорячку как раз собирался занять половину парты Лю Шэня, тот встал и подошел к окну, чтобы задернуть шторы.

После пересадки Чи Чжоу провел два дня, привыкая к новому месту. И как только привык, запустил новый двуступенчатый план.

Каждый день он упорно сидел рядом с Лю Шэнем на обеде. А с их новой рассадкой ему стало легче «случайно» пересекаться с Лю Шэнем, больше не нужно было притворяться, что он наткнулся на Лю Шэня в столовой. Вместо этого, Чи Чжоу просто хвостом следовал за ним по школе и держался поближе.

Вдобавок ко, всему он в полной мере воспользовался их соседством. То, что он сидел рядом с Лю Шэнем, означало, что Чи Чжоу мог держаться рядом и причинять всякие неприятности.

Одним из его любимых развлечений было отгонять поклонников Лю Шэня. Когда кто-нибудь

подходил к Лю Шэню с романтическими намерениями, Чи Чжоу вмешивался и плел сложную паутину пренебрежительных комментариев.

После бессвязных рассуждений о предполагаемых недостатках Лю Шэня он всегда подводил итог драматичным заключением:

— В итоге у него есть только внешность. Не утруждайся любовью к нему.

Неизбежно поклонники начинали сомневаться в своих чувствах. Иногда они спрашивали его:

— Откуда ты все это знаешь?

Чи Чжоу, притворяясь невинным, медленно и четко отвечал:

— О, конечно же, потому что мы друзья.

И как всегда, именно в один из таких моментов Лю Шэнь вернулся. Поймав конец разговора, он поднял бровь и повторил:

— Мы друзья?

Чи Чжоу, только что вравший о Лю Шэне даже без мимолетно пролетевшего чувства вины, внезапно почувствовал, как сердце пропустило удар. По какой-то причине он начал волноваться.

Но он быстро откинул это. И что такого, если Лю Шэнь услышал? Все-таки он успешно отослал поклонников Лю Шэня. Конечно, Лю Шэнь прямо сейчас злился и спросил только для того, чтобы напрямую его уличить.

— Да, — ответил Чи Чжоу, хлопая глазами с притворной невинностью. — А что еще я тут делал все это время?

А потом словно припомнив что-то, добавил:

— Ты не похож на того, кому нравится заводить друзей. Но ты же не против, м?

Лю Шэнь прекрасно знал о том, что Чи Чжоу провел последние несколько недель, создавая проблемы, но оставил свои мысли при себе. Ни одна из выходов Чи Чжоу на самом деле не причинила ему проблем, на самом деле они показались ему забавными. Поэтому Лю Шэнь подыграл и небрежно ответил:

— Нет, не против.

Несмотря на титул «друзья», в реальности все это было далеко не так. Они все еще были скорее спарринг-партнерами.

Чи Чжоу придерживался своего плана целых две недели, отчего Камень чувствовал себя чрезвычайно потрясенно.

— Мой дорогой, — однажды сказал Камень, уставившись на него в недоверии, — ты же не... гей?

— Отвали. Я настолько натурал, насколько можно, — без запинки парировал Чи Чжоу. — И даже если бы я был геем, то сначала выбрал бы тебя, а не кого-то другого.

Они препирались между собой, не осознавая, что говорили настолько громко, что Лю Шэнь, сидевший неподалеку, мог все слышать.

*

В тот день у Чи Чжоу возникла идея.

Очкарик-одноклассник неловко подошел к нему:

— Чи Чжоу, можно мне ненадолго занять твое место? Отсюда лучше видно доску, а мне нужно переписать кое-что.

— Конечно, — без раздумий согласился Чи Чжоу. Как только одноклассник занял его место, он отошел поболтать с Камнем.

Очкарик начал переписывать, но вскоре опустил ручку. Оглянувшись, он потянулся за красной ручкой Чи Чжоу, которая лежала на парте.

Записав пару фраз, он закрыл ее колпачком и, вместо того чтобы вернуть, просунул под рукав.

Как раз, когда ручка должна была провалиться внутрь, над ним раздался голос:

— Закончил?

Очкарик испуганно вздрогнул, и его рука дернулась, а красная ручка упала на пол.

— Д-да, я закончил.

— Хорошо. Она мне нужна, — спокойно сказал Лю Шэнь, поднимая ручку.

Он использовал ее, чтобы пометить несколько ответов в рабочей тетради, и даже написал сам себе элегантную 5+ с росчерком.

Только на следующем уроке Чи Чжоу заметил, что красная ручка пропала.

Яростно порывшись в своих вещах, он наконец-то заметил ее на парте Лю Шэня.

— Почему моя ручка у тебя? — требовательно спросил Чи Чжоу, хватая ее обратно.

Чи Чжоу не скупой, просто у него сложилась минималистическая система: одна черная ручка, одна красная и одна синяя. Вместе они формировали законченный набор, и потеря хоть одной разрушила бы его чувство порядка.

— В следующий раз следи за своими вещами, — ровно сказал Лю Шэнь. Остановился, а потом добавил. — И перестань меняться местами с другими.

— Почему тебя это волнует? Это мое место, — в ответ сказал Чи Чжоу.

Лю Шэнь не хотел делать поспешных выводов об однокласснике, но он не мог избавиться от чувства, что эпизод с ручкой не был случайностью. Но все еще у него не было конкретных доказательств, поэтому предложил расплывчатое оправдание:

— Он задает слишком много вопросов. Раздражает.

Только тогда Чи Чжоу осознал, насколько козырно его место. Сидеть рядом с Лю Шэнем, любимчиком учителей и учеников, — явная привилегия.

— Он приставал к тебе с расспросами?

— Мм.

У Чи Чжоу что-то взорвалось в мозгу. Возможно, Лю Шэню не нравилось, когда его бомбардируют вопросами.

К пятнице Чи Чжоу приготовился действовать. Когда прозвенел звонок с урока, он преградил путь Лю Шэню.

— Подожди. Не уходи пока, — положив руку на плечо Лю Шэню, он ухмыльнулся. — Мне нужно с тобой кое-что обсудить.

— Что такое? — взглянул на руку на его плече Лю Шэнь.

— Что ж, мы с тобой уже некоторое время в учебной группе, — сказал Чи Чжоу с притворной искренностью. — Но еще ни разу не помогали друг другу. Сегодня я хочу поучить английский. А ты мне поможешь.

Чтобы придать своей просьбе больше авторитета, Чи Чжоу самодовольно заявил:

— Как лидер нашей группы, я ответственен за все, так что слушайся меня.

— Ты лидер? — поднял бровь Лю Шэнь.

— По алфавиту. Проблемы?

Имя Чи Чжоу начиналось с Ч, которая в алфавитном порядке стоит перед буквой Ш Лю Шэня, поэтому он естественно стал лидером группы.

Лю Шэнь покачал головой, легкая улыбка возникла на уголках его губ. Даже мелкий чиновник все еще чиновник.

Мягкий смешок долетел до ушей Чи Чжоу, и он сразу же воспринял его как насмешку. Однако Чи Чжоу было без разницы, для Лю Шэня насмеяться над этим было нормально. Было бы странно, если бы он этого не сделал.

С одной-единственной целью — раздражить Лю Шэня, Чи Чжоу потянул его обратно к партам и, держа в руках рабочую тетрадь по английскому, сразу начал метать один странный вопрос за другим. А если не было подходящих тем для них, то Чи Чжоу просто придумывал, двигая разговор дальше.

Некоторое время Чи Чжоу клеился к английскому. После десяти минут выворачивания и переворачивания под абсурдными углами он решил окончательно отбросить тему обучения и сместил тему с «взаимопомощи» на час сплетен.

Лю Шэнь не из тех, кто много болтает. Чи Чжоу уже понял это из их совместных обедов. Однако это было неважно, он не пытался подружиться с Лю Шэнем, а просто хотел досадить ему.

И вот так Чи Чжоу завел песню, затягивая Лю Шэня в каждую мыслимую тему: ближайшие родственники, дальние родственники, предки в восьми поколениях, племянница с родинкой на

руке, и даже упомянул о ноже, который семья Лю Шэня получила в награду несколько столетий назад.

На протяжении всего этого он продолжал втягивать Лю Шэня в разговор прямыми вопросами, заставляя того отвечать.

Лю Шэнь хотел сказать, что людей раздражают не так. Но если бы он это сказал, Чи Чжоу и правда мог остановиться.

Отвечая спустя рукава, Лю Шэнь не мог не подумать, что Чи Чжоу, должно быть, вырос в счастливой семье. Он лучезарный и беззаботный, привыкший быть в центре внимания, любимый и ценимый окружающими. Полная противоположность жизни Лю Шэня, которого перекидывали туда-сюда, как нежеланную ношу.

В классе было тихо и пусто, но Чи Чжоу в одиночку, казалось, заполнял пространство мягкой теплотой.

На середине разговора Чи Чжоу взглянул на часы и наконец-то показал немного своих настоящих намерений.

— Ого, уже так поздно. Я задерживаю тебя? Прости на этот счет, — сказал он, хотя в его словах не чувствовалось ни капельки раскаяния. Он с озорной улыбкой смотрел прямо в глаза Лю Шэню. — Полагаю, я просто много болтаю.

— Я заметил, — ответил Лю Шэнь.

Хотя ему было без разницы.

На самом деле Чи Чжоу не задерживал его, он все равно бы бесцельно шлялся по улице несколько часов, прежде чем идти домой. Грубо говоря, ему не хотелось идти туда, то место он не считал «домом».

Каждую пятницу Лю Шэнь проводил на улицах, никогда сразу не шел домой.

По сравнению с этим сидеть в классе и слушать болтовню Чи Чжоу, даже бессмысленную, казалось гораздо интереснее.

Когда они вышли из школы, небо совсем потемнело. У ворот они разошлись. Чи Чжоу не утрудился попрощаться, он просто отвернулся и ушел.

Только спустя несколько шагов он нехотя поднял руку и слегка помахал, движение было настолько небрежным, что казалось запоздалой мыслью.

Лю Шэнь стоял на месте, следя за отдаляющейся фигурой Чи Чжоу. Через некоторое время он отвернулся, чтобы пойти в другую сторону.

Он сделал несколько шагов, когда фрагмент разговора возник в его сознании.

— Мой дорогой, ты же не... гей?

— Отвали. Я настолько натурал, насколько можно. И даже, если бы я был геем, то сначала выбрал бы тебя, а не кого-то другого.

То был шутливый обмен репликами, ничего более. Но по какой-то причине эти слова застряли у него в голове.

*

Чи Чжоу не принял слова Лю Шэня близко к сердцу. Все-таки это его место, и ничего плохого в том, чтобы позволять кому-то сесть на него ненадолго, не было. Отказ без веской причины только заставит его выглядеть мелочным.

Очкарик со временем стал все чаще и чаще одалживать место Чи Чжоу. Сперва он спрашивал разрешения, но вскоре перестал утруждаться и просто садился, когда Чи Чжоу не было рядом.

После математики Чи Чжоу вылетал из класса, как только звенел звонок. Ему с Камней нужно было занять баскетбольную площадку, и он не задумывался о своей парте.

В то же самое время он начал замечать, что его вещи пропадают. Ничего серьезного, просто маленькие, незначительные вещи вроде ручек, ластиков и салфеток. Пропадали даже вещи, которые он не хотел терять.

Однажды, когда он вернулся с физкультуры, то увидел, что его парта на удивление чиста. Салфетки, которыми он вытирал протекшие чернила, пропали, как и несколько листочков с его каракулями.

— Эй, Камень, ты стал моей крестной феей? — удивленно спросил Чи Чжоу. — Что случилось с листочками на моей парте? Ты их выкинул?

Не то чтобы они были важны, просто на одной из них он начиркал рисуночек — шедевр, которым планировал поделиться с друзьями.

— Как ты пожелаешь. Если бы я кому-то что-то делал, то точно старосте, а не тебе, — скривил лицо Камень.

А в другой раз Чи Чжоу потерял кое-что более важное — браслет.

Сначала он думал, что оставил его в спортзале, но, поискав там, не нашел. Чи Чжоу в конце концов сдался. Браслет на самом деле был не так важен для него, он носил его скорее по приколу.

И все же на бледной коже Чи Чжоу темный браслет ярко выделялся. Он добавлял некоторый изыск его внешности, притягивая внимание к его запястью в преднамеренной манере, словно маркер, предназначенный для того, чтобы привлечь чье-то внимание.

Лю Шэнь не знал, о чем думают остальные, но браслет всегда казался ему странно подходящим Чи Чжоу. Производил неизгладимое впечатление.

Да настолько сильное, что на следующий день Лю Шэнь спросил:

— Что случилось с твоим браслетом?

Этот вопрос был настолько несвойственен Лю Шэню, что Чи Чжоу мгновенно растерялся:

— Потерял.

*

Камень совсем потерялся на математике, настолько сильно, что уснул в середине урока. А звонок разбудил его, и он решил пойти в туалет, чтобы прочистить голову.

Этот поход в уборную, однако, преподнес что-то совершенно неожиданное.

Он выбрал туалет в лабораторном корпусе: там всегда находилось мало людей, поскольку уроки редко проводили в том здании. В коридоре перед туалетом было тихо и пустынно, кроме звука двух голосов, доносящегося из ближайшего угла.

Если бы Камень подглядел, то увидел бы две знакомые фигуры. Одну из них он знал очень хорошо; ее имя звучало из уст Чи Чжоу бесчисленное количество раз.

— Да, это я взял его. Почему ты преследуешь меня? Хочешь, чтобы я поделился, или просто интересно, что я делал с ним?

Очкарик криво улыбнулся и сделал непристойный жест рукой, прежде чем опустить ее.

Лю Шэнь сразу же понял смысл. Выражение его лица потемнело.

— И ты уже знаешь почему, — продолжил очкарик, приближаясь к уху Лю Шэня и продолжая тихим и ядовитым голосом, похожим на змеиное шипение. — Все-таки разве ты не такой же?

«Такой же» тяжело повисло в воздухе, его значение было безошибочным.

Прежде чем он смог закончить свое самодовольство, Лю Шэнь схватил его за плечо и с силой оттолкнул.

Громкий удар разнесся по коридору, напугав Камня, все еще делающего свои дела в туалете. Заторможенный и дезориентированный, он замер, пока его разум пытался осмыслить шум.

Его любопытство победило. Поспешно натянув штаны, он огляделся и увидел всю сцену во всей красе. И то, что он обнаружил, заставило его застыть, Камень оказался не в силах отвести взгляд.

— Почему это так важно? — усмехнулся очкарик, скорчившись от боли. — Любить кого-то — преступление? Ты не неправ, и я тоже. Мы одинаковые.

— Хватит, — холодным тоном перебил Лю Шэнь. — Не сравнивай меня с собой.

Быстрым движением Лю Шэнь наступил однокласснику на плечо, прижимая к полу, и сказал ледяным голосом:

— Я не такой же.

Из своего укрытия Камень смог уловить лишь фрагменты их разговора. Такие слова как «любить» и «не такой же». Его разум лихорадочно пытался выстроить контекст, заполняя пробелы выдумками.

«Это... признание?» — широко раскрыв глаза, гадал Камень. Лю Шэнь отказал ему, применив силу?

Что имел в виду Лю Шэнь под «не такой же»? Не гей?

Застыв на месте, Камень почувствовал, как ледящий сквозняк пустого коридора проникает в его мысли. Медленно он пришел к выводу: Лю Шэнь не просто натурал. Он жесткий, непреклонный, отвергающий геев натурал.

Когда Камень закончил с походом в туалет и добрался до спортзала, он почти забыл о том, что произошло. Только позже до него долетели сплетни об очкарике.

Вышло так, что тот тайно коллекционировал вещи Лю Шэня, некоторые из которых украл. Когда его поймали и пристыдили, он был настолько напуган, что вернул все, включая недавно купленные вещи. Однако Лю Шэнь счел этот жест отвратительным и отказался хоть что-то забирать.

В конце концов очкарик перевелся, а драма спала на нет. Правда осталась неизвестна, оставляя лишь место для догадок. Только Лю Шэнь знал, что на самом деле произошло.

<http://bllate.org/book/15922/1423295>